

МАГИЧЕСКИЙ СССР.

ПЕЧАТЬ ПОЗОРА.

АКТИВАЦИЯ

МАГИЯ —
НА СЛУЖБУ РОДИНЕ!

Михаил Орлов

Михаил Орлов

Магический СССР. Печать позора. Активация.

<https://litres.ru/73990541>

SelfPub; 2026

Аннотация

Инженер из 2026 года погибает, спасая ребёнка, и приходит в себя в теле семнадцатилетнего опального мага Алексея Воронцова. СССР 1977 года — но магия здесь на службе у партии, а неудачников клеймят «Печатью Позора». Его новое тело — ходячая аномалия, глушащая любую магию и технику. От него ждут быстрой смерти на урановых рудниках.

Но инженер не сдаётся. Он видит в проклятии не приговор, а интерфейс, работающий на другой частоте. Медная проволока, текстолит и паяльник — вот его оружие. Враги из Второго Клана, таинственный куратор Громов и хромой незнакомец с такой же Печатью — лишь ступени к главной тайне. Что скрывает проект «Феникс» и как открыть портал в другую Москву? Добро пожаловать в магический СССР. Здесь пахнет озоном, гречневой кашей без масла и великой магией, которую можно перепрошить.

Содержание

Глава 1. Полевое испытание: воздействие внешней агрессии	5
Глава 2. Испытание контура: наведение помех на низкоранговую магию	11
Глава 3. Кристалл Истины: тестирование на стационарном объекте	18
Глава 4. СИЗО №16: стресс-тест в изоляции	27
Глава 5. Склад №7: тестирование поглотителя на бракованных накопителях	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Михаил Орлов

Магический СССР. Печать позора. Активация.

Все персонажи и события, описанные в книге, являются вымышленными. Любые совпадения с реально существующими или когда-либо существовавшими людьми случайны.

Все описанное в книге является художественным вымыслом автора и на достоверность не претендует.

Глава 1. Полевое испытание: воздействие внешней агрессии

в которой герой осознаёт, что переродился не в раю, а в СССР, и это два разных вида ада

Боль бывает разной. Бывает тупая, ноющая, когда в шесть утра орёт будильник, и ты понимаешь, что проспал дедлайн. Бывает острая — когда клиент смотрит на отчёт о прибылях так, будто ты лично спёр его «лексус». А бывает — носом в бетонный пол под размеренный мат и удар под ребро кирзовым сапогом.

— Подъём, падаль! Живо!

Я открыл глаза и тут же получил мыском сапога под рёбра. Хрустнуло. Не ребро, к счастью, а какая-то ветка подо мной. Но ощущение было такое, будто меня переехал грузовик. Стоп. Меня же переехал грузовик. Фура, ребёнок на дороге, я успел его толкнуть. А дальше — вспышка, удар... и теперь сапогом под рёбра где-то в помещении, пропахшем хлоркой и ещё какой-то до боли знакомой химией.

— Вставай, падаль опальная! — голос сверху. — Церемония через полчаса, а ты разлёгся, как барин!

Я сфокусировал взгляд. Сапог. Яловый, кирзовый — точно такие у деда в чулане стояли. Дальше — галифе, гимнастёрка, погоны. Сержант. Лицо красное, небритое, с блям-

бой родинки на подбородке. Запах — перегар пополам с «Красной Москвой». Так, спокойно, инженер внутри меня уже включил аварийный протокол: фиксируй факты, потом будешь анализировать.

Мозг, ещё не успевший переварить факт собственной смерти и воскрешения, проорал: «Потом удивишься! Действуй!»

Я дёрнулся в сторону. Тело слушалось непривычно — слишком лёгкое, слишком молодое, с совершенно другой координатой. Но инстинкты страйкболиста не пропьёшь: перекат, подсечка, захват. Сержант с грохотом рухнул на каменный пол.

— Ты чё творишь, Воронцов?! Ополоумел?!

Воронцов. Меня зовут Воронов, Алексей Воронов. Кризис-менеджер, инженер, 35 лет, Москва, 2026 год. Но сейчас, судя по всему, я — Воронцов.

Я сунул руку в карман. Вместо айфона пальцы нащупали что-то острое, металлическое. Комсомольский значок. Рядом — пачка «Беломора». Я тупо уставился на них. Значок. Папиросы. 1977 год. А в голове параллельно с моими воспоминаниями о Python-скриптах и кризис-менеджменте вдруг проявился второй слой памяти. Чужой. Алексей Воронцов, 17 лет, Магадан-Магический. Ссылный Клан. Отец осуждён. Мать... заплаканное лицо за колючей проволокой. И Печать — странное, горячее жжение под грудиной, будто туда вставили грелку с кислотой. «Печать Позора», — всплыло

в памяти. — «Блокирует магию, глючит технику. Ходячая аномалия». Зафиксировал.

— Кринж, — пробормотал я вслух, проверяя голос. Молодой, без прокуренности.

Сержант Крутиков, уже поднявшийся, смотрел на меня с подозрением. Я медленно встал, опираясь о стену. Тело слушалось всё лучше. В коридоре пахло хлоркой и подгоревшей кашей. На стенах лозунги: «Магия — на службу Родине!» и «Кланы — к ответу перед партией!». Магия. Кланы. Отлично, физика этого мира явно отличается от моей. Буду разбираться.

Из-за угла вывернули трое. Холёные, в отглаженных гимнастёрках с гербами Кланов. Местная золотая молодёжь. Блондин с гербом Морозовых — снежинка в круге — осклабился:

— О, глядите, Воронцов оклемался! А мы слышали, тебя сегодня без Дара оставят. Готов к списанию, опальный?

Память Воронцова сжалась в комок ужаса: «Опусти голову, пробормочи извинения...» Но я не Воронцов. Я — Воронцов. Инженерный подход: оценить поле боя. Пол — шахматный кафель. Пара плиток шатается — спасибо памяти тела, пригодилась.

— Слышь, блонди, — я растянул губы в улыбке. — У тебя герб на лацкане вверх ногами. Клан Морозовых теперь вниз головой живёт?

Он машинально опустил взгляд. Я сделал два шага впе-

рѐд, поддел расшатанную плитку носком ботинка. Она вылетела и поехала прямо ему под ноги. Блондин поскользнулся и рухнул. Я не ждал: коленом в живот второму, третьего — швырнул в стену. Рамка с лозунгом «Магия — на службу Родине!» лязгнула и съехала набок.

— Это тебе не на комсомольском собрании доклады толкать, — процедил я, отряхивая руки. — Там хоть рамки не такие тяжѐлые.

Троица ретировалась, бросая злобные взгляды. Я выдохнул. Микро-победа. Но Печать под рѐбрами пульсировала сильнее. Реагирует на активность? Или на чужую магию? Надо тестировать.

В Церемониальном зале пахло озоном. Огромный Кристалл Истины парил над алтарѐм. Лысый директор что-то говорил двум штатским с военной выправкой. Когда вызвали меня, по рядам пробежал смешок. Блондин с разбитым носом ухмылялся.

Я положил ладонь на Кристалл. Холодный снаружи — и горячая волна изнутри. Печать отозвалась болью, острой, как раскалённая игла. Кристалл дрогнул, налился чѐрным дымом, а потом плюнул в мою руку небольшой молнией. Тишина. Потом смешки.

Лысый констатировал: «Дар отсутствует. Печать Позора подтверждена. Списание в трудовые ресурсы».

Я отошёл в сторону, к «неодарѐнным». Но в голове уже крутился анализ. Молния возникла не из Кристалла — она

выплеснулась из меня. Печать искажила импульс, превратила его в электрический разряд. Это не блокиратор. Это фильтр, работающий на другой частоте. И если я смогу настроить эту частоту...

Я ухмыльнулся про себя. Изи катка. Почти.

Уже в коридоре, когда ученики расходились, я заметил конверт на полу, у ног Лысого. Герб Морозовых. Надпись: «Москва. Институт Благородных Родов. Ректору». Копия в Особый отдел ЦК. Конверт был не запечатан.

Я нагнулся — завязать шнурок. Движение — и конверт исчез за пазухой. В пустом коридоре развернул бумагу. Машинописные буквы заплясали перед глазами: «...в связи с выявленным потенциалом у носителя Печати Позора из рода Воронцовых приказываю этапировать в Москву для изучения. В случае сопротивления — методы четвёртого уровня».

Я перечитал. «Методы четвёртого уровня». Сердце Воронцова-младшего пропустило удар. А я ухмыльнулся. Похоже, моя ссылка только что закончилась. А проблемы, судя по всему, только начинались.

И где-то в глубине коридора уже слышались шаги — размеренные, уверенные, приближающиеся. Трое. Может, четверо. Идут за мной. Конвой никогда не опаздывает — особенно когда заказ из Москвы.

Лог испытаний №1

Объект: Печать Позора v.0.1 **Режим:** Пассивное наблюдение в условиях внешней агрессии и контакта с стационар-

ным магическим объектом (Кристалл Истины). **Результаты:**

- Подтверждено пассивное глушение низкоранговой магии (эффект «наведённых помех» на расстоянии до 2–3 метров).
- При прямом контакте с Кристаллом зафиксирован активный выброс — магия носителя искажается и преобразуется в электрический разряд. Печать работает как нелинейный фильтр.
- Побочный эффект: нестабильность техники в радиусе поражения (предположительно, электромагнитные помехи). **Гипотеза:** Печать не является блокиратором. Это интерфейс, работающий на частоте, несовместимой со стандартной родовой магией. Возможна перенастройка частоты. **Следующий шаг:** Собрать простейший контур-усилитель, проверить возможность направленного воздействия на низкоранговую магию.

Глава 2. Испытание контура: наведение помех на низкоранговую магию

в которой герой проверяет свою гипотезу в полевых условиях, а инженерный подход оказывается эффективнее родового Дара

Коридор встретил меня запахом советской школы — хлорка, подгоревшая манная каша, меловая пыль, гуталин и что-то ещё, неуловимое, официальное. Запах системы. Я брёл, держась за стену, и анализировал.

Первое: тело молодое, восстанавливается быстро. Боль в рёбрах уже превратилась из острой вспышки в глухой ноющий фон. Второе: память прежнего Алексея работает как повреждённый жёсткий диск — файлы есть, а доступа нет. Только обрывки. Третье: Печать под рубашкой продолжает пульсировать, и теперь я точно знаю — она реагирует на магию. Надо проверить, насколько сильно и на каком расстоянии.

Я остановился у стенда «Лучшие комсомольцы дружины». Фотографии, фамилии, какие-то аббревиатуры вроде «ОМП» и «БМП-М». Рядом — ещё один стенд, окантованный красным кумачом: «Враги народа из числа Кланов». С выцветшими фотографиями и приговорами. Машиналь-

но поправил загнутый уголок карточки — «Воронцов А.М., лишён родового статуса, сослан в Магадан-Магический». Мой отец. Или дед. Ладно, разберусь позже.

— О, гляньте, кто выжил!

Я обернулся. Из бокового прохода вырулили трое. Классическая композиция «мажоры у подоконника». В моём 2026-м они носили бы «Palm Angels» и передвигались на арендованных самокатах. Здесь, в 1977-м, они щеголяли тёмно-синими кителями с серебряными пуговицами, начищенными сапогами и фуражками с эмблемой в виде раскрытой книги. И золотой ромб с рубиновой каплей на лацкане — герб Второго Клана. Морозовы. Те самые, что устроили мне «тёплую встречу» у календаря.

— Воронцов, — протянул тот, что шёл в центре. Высокий блондин с наглыми светлыми глазами и челюстью, которую так и хотелось проверить на прочность. Тот самый Морозов-младший. — А мы слышали, тебя Крутиков в расход пустил. А ты живой. Чудеса.

— Чудеса, — согласился я, незаметно перенося вес на носки. — Чудеса магии. Или советской медицины. Пока не разобрался.

Блондин прищурился. По его сценарию я должен был испугаться, сжаться, пробормотать извинения. Но я стоял спокойно и смотрел ему в глаза. Это сбивало с толку.

Инженерный протокол в голове включился автоматически. Трое противников. Первый — лидер, высокий, медлен-

ный, но сильный. Второй — пониже, с прыщавым лицом, судя по бегающим глазам и дёрганым движениям — истерик, легко спровоцировать. Третий — самый мелкий и юркий, обходит меня слева, явно готовясь зайти со спины. Я его уже про себя нарёк «Шныгой». Классическая тактика — взять в кольцо.

— Слышь, Воронцов, — вступил прыщавый. — Ты чё такой дерзкий стал? Печать последние мозги выжгла? Или напомнить, кто ты теперь есть?

— Напомни, — разрешил я, продолжая сканировать пространство. Краем глаза зацепился за пол. Метлахская плитка. Одна из них чуть заметно шаталась — тело помнило этот дефект, прежний Алексей здесь не раз спотыкался. Рядом — стенд «Лучших комсомольцев», стекло уже треснуто. На стене — лозунг в деревянной рамке. Инженер внутри меня удовлетворённо хмыкнул: поле боя изучено, элементы для импровизированных ловушек — в наличии.

Прыщавый аж поперхнулся от моей реакции. Переглянулся с блондином. Третий, Шныга, уже зашёл сбоку, отрезая путь к отступлению.

— Ты — никто, — процедил светлоглазый, делая шаг вперёд. — Ты пустое место. Печать Позора. Ссылный выродок. Твой папаша Клан просрал, мамаша удавилась, а ты...

Вот теперь пора.

— Слышь, блонди, — я растянул губы в улыбке. — У тебя герб на лацкане вверх ногами висит. Клан Морозовых теперь

вниз головой живёт? Или это у вас способ хайпануть?

Он осёкся и машинально опустил взгляд. Ошибка. Я резко поддел носком ботинка расшатанную плитку. Она вылетела из гнезда и с грохотом поехала по кафелю прямо под ноги блондину. Тот, уже потерявший равновесие, поскользнулся и рухнул мордой вперёд.

Прыщавый взревел и выбросил руку в мою сторону. С его пальцев сорвалась сизая искра — явно какое-то боевое закливание, — но на полпути ко мне она вдруг зашипела, дёрнулась, словно наткнувшись на невидимую стену, и погасла с мерзким треском. В воздухе запахло озоном — тем самым, что бывает, когда в розетку 220 вольт пытаешься воткнуть вилку мокрыми руками.

— Что за... — начал прыщавый, но договорить не успел.

Я уже подскочил к нему и двинул коленом в живот. Холёный аристократ сложился пополам, захрипев. Правый, Шныга, попытался схватить меня за шею, но я был готов: удар локтем под дых — и мелкий отлетел к стенду. Стекло жалобно тренькнуло и осыпало его плечи фейерверком брызг.

Вся схватка заняла секунд десять. Но главное было не в скорости. Главное — я зафиксировал результат.

Искра прыщавого погасла, не долетев до меня. Печать сработала как глушилка. Радиус — около двух метров. Эффект — наведённые помехи, подавление низкоранговой магии.

— Ты... ты... — прохрипел блондин, пытаясь подняться. Его лицо было перекошено от ярости и изумления. — Ты

групп, Воронцов! Мой отец — Морозов-старший, глава Второго Клана. Ты знаешь, что он с тобой сделает?

— Поставит в угол? — предположил я, отряхивая руки.
— Лишит сладкого?

— Он сотрёт тебя! В порошок! Ты и так ноль, но он делает из тебя ноль в квадрате!

Я присел рядом с ним на корточки, заглянул в глаза.

— Слушай внимательно, Морозов-младший. Я не знаю, каким был прежний Алексей Воронцов. Возможно, он боялся тебя. Но новый Алексей Воронцов, — я усмехнулся, — имеет дурную привычку превращать проблемы в задачи. Ты для меня не враг и не угроза. Ты — задача. А задачи я решаю.

Я выпрямился, поправил воротник рубашки и, перешагнув через стонущего Шныгу, направился дальше по коридору. Печать под рубашкой пульсировала ровно — теперь я знал её ритм. Она словно подтверждала: гипотеза верна, тест пройден, данные записаны.

В ушах ещё стоял запах озона — след той самой несостоявшейся атаки. Я усмехнулся про себя. Они пытались применить магию. А магия рядом со мной глючит. Ещё один плюс в резюме «ходячей аномалии» — я не просто пустышка, я глушилка. Как тот сосед, который включает перфоратор ровно в тот момент, когда у тебя начался зум-колл с боссом.

В конце коридора висела табличка: «9-А класс. Классный руководитель — Тимофеева Е.С.». Рядом — ещё один лозунг: «Учиться, учиться и учиться — заветы великого Лени-

на выполняет каждый маг Страны Советов!» Что ж, посмотрим, чему тут учат. Но сначала — зафиксировать результаты. Я вытащил из кармана огрызок карандаша и на обрывке бумаги набросал:

«Тест №1. Печать v.0.1. Конфликт с носителем родового Дара (Второй Клан). Заклинание погашено в воздухе, радиус подавления ~2 м. Эффект: помехи, озон. Без побочных повреждений носителя. Гипотеза: Печать создаёт поле несовместимой частоты, подавляющее магию, но не блокирующее её полностью. Следующий шаг: проверить реакцию на стационарный магический объект».

Я убрал записку в карман. Хорошо. Теперь — на урок. Может, хоть там удастся понять, по каким законам работает этот мир.

Лог испытаний №2

Объект: Печать Позора v.0.1 **Режим:** Пассивное глушение в условиях прямого конфликта с носителем родового Дара (предположительно, низкоранговое боевое заклинание).

Результаты:

- Успешное подавление направленного заклинания на расстоянии ~2 метров.
- Зафиксирован побочный эффект: запах озона, искрение, затухание магического импульса.
- Носитель не пострадал, противник деморализован. Ги-

потеза подтверждена частично: Печать создаёт поле, работающее на частоте, несовместимой с родовой магией. Это не блокиратор, а интерфейс, генерирующий наведённые помехи. **Следующий шаг:** Проверить реакцию на стационарные магические объекты (Кристалл Истины, артефакты). Оценить возможность перенастройки частоты для активного подавления.

Глава 3. Кристалл

Истины: тестирование на стационарном объекте

в которой герой тестирует Печать на мощном артефакте, получает неожиданный результат и знакомится с системой, которая решает его судьбу

До уроков я не дошёл.

Уже у самой двери класса меня остановил тот самый сержант Крутиков. Теперь он не орал и не пинался, а смотрел хмуро, как на мину замедленного действия. В правой руке он держал какую-то допотопную рацию размером с кирпич, которая мерзко шипела и плевалась помехами — словно старый телевизор в грозу. Смотрел он на меня с таким выражением, будто я эту рацию лично проклял. Собственно, почему «будто»? Моя Печать уже не раз демонстрировала, что техника рядом со мной сходит с ума. Так что возмущение Крутикова было вполне обоснованным.

— Воронцов, — буркнул он, убирая рацию за пояс. — В Церемониальный зал. Живо. Всех «опальных» собирают для проверки. Ради такого дела даже занятия отменили.

В голосе его звучала смесь брезгливости и любопытства. Видимо, случай с моим «воскрешением» уже оброс легендами в училищных курилках. Я молча кивнул и направился,

куда показали.

Внутренний инженер немедленно включил режим анализа. Церемониальный зал — это идеальное место для тестирования Печати на стационарном объекте. Кристалл Истины, по обрывочным воспоминаниям прежнего Алексея, — мощнейший артефакт, настроенный на сканирование магического потенциала. Если моя гипотеза верна и Печать работает как нелинейный фильтр, то контакт с Кристаллом должен дать яркий, возможно, разрушительный эффект. Главное — чтобы разрушительным он не стал для меня самого.

Зал был уже наполовину заполнен. Ученики выстроились вдоль стен, преподаватели в мантиях застыли на возвышении. В центре, на массивном каменном алтаре, парил Кристалл. Огромный, размером с человеческую голову, он медленно вращался, переливаясь изнутри молочно-белым светом. От него веяло холодом и — я это чувствовал кожей — мощным магическим полем. Пахло озоном, как перед сильной грозой.

Директор — лысый, худой, с цепкими глазками-буравчиками — что-то втолковывал двум незнакомцам в штатском. Гости из Москвы, судя по выправке. Рядом с ними стоял ещё один — сухой, поджарый, в тёмном костюме. Лысый, но не директор. Этот выглядел опаснее. Смотрел поверх голов, словно происходящее его ни капли не интересовало.

— Воронцов Алексей! — разнёсся под сводами голос директора.

По рядам пробежал смешок, как ветер по сухой листве. В первых рядах мелькнула ухмыляющаяся физиономия Морозова-младшего. Ждал шоу. Ну-ну.

Я шагнул к алтарю. Тишина стала абсолютной. Даже Кристалл, казалось, замер, прислушиваясь. Я отчётливо слышал только стук собственного сердца и пульсацию Печати — теперь уже знакомый, почти привычный горячий ритм.

Положил ладонь на Кристалл.

Сначала — холод. Обжигающий, пронизывающий до костей, какой не может дать обычный лёд. А потом изнутри рванула волна. Не моя — Печати. Она проснулась мгновенно, словно хищник, почуявший добычу. Боль была острой, как раскалённая игла, вошедшая под кожу и медленно проворачивающаяся внутри. Я зашипел сквозь зубы, но руку не отдёрнул. Не имел права. Инженер всегда доводит тест до конца.

Кристалл дрогнул. В его глубине что-то забулькало, словно расплавленное стекло. Молочно-белое свечение сменилось грязно-серым, потом чёрным. Густой, маслянистый дым наполнил сердцевину артефакта. Искра, всегда пульсировавшая в центре, ярко вспыхнула — и погасла.

А потом Кристалл плюнул в меня молнией.

Разряд был небольшим, с палец толщиной, но ярким до рези в глазах. Он ударил мне прямо в ладонь, прошёл через запястье и погас где-то в плечевом суставе. Рука мгновенно онемела.

Тишина. И смешки.

Я медленно оторвал ладонь от алтаря. Кристалл внутри стал мутным, мёртвым.

Но всё, что я чувствовал в этот момент, — не боль и не обиду. А холодный, чистый азарт исследователя.

Потому что в тот кратчайший миг, когда Кристалл выплюнул молнию, я увидел нечто. Не глазами — внутренним зрением, тем самым, которое включается, когда смотришь на осциллограф и понимаешь: вот здесь сигнал исказился, здесь пошла не та частота. Молния возникла не из Кристалла. Она выплеснулась из *меня*. Печать на мгновение дала сбой — или, наоборот, сработала, — и электрический разряд, который в обычном маге направился бы в Кристалл, искривился и выстрелил мне в руку.

Это был не провал. Это был эффект. Искажение.

— Ну вот, — голос Лысого разрезал тишину с явным удовлетворением. — Как мы и предполагали. Дар отсутствует в принципе. Печать Позора подтверждена. Рекомендация: списание из магического резерва с последующей передачей в общие трудовые ресурсы Магаданской области. Следующий!

Ухмылка Морозова стала шире. Я отошёл в сторону, туда, где уже стояли «неодарённые» — пара бледных, подавленных ребят. Вокруг меня сгустилась пустота, словно я вдруг стал прокажённым.

Микро-поражение. Меня только что официально, при свидетелях, признали магическим нулём.

Но я не чувствовал горечи. В голове быстро складывалась новая картина. Печать не блокирует магию. Она её *искажает*. Превращает в нечто иное. «Поле технологического сбоя», как назвал его тот же Крутиков. А если это поле — энергия? А энергию можно взять под контроль. Как радиоволну. Как ток в цепи. Если знать физику. Если мыслить как инженер, а не как маг.

Я смотрел на мутный, испорченный Кристалл и мысленно сравнивал его с айфоном, который накрылся после кривого обновления. «Если это местный аналог айфона, — подумал я с усмешкой, — то он глючит хуже китайской подделки. Может, его просто перезагрузить? Или... перепрошить?»

И в этот момент я поймал на себе взгляд. Тот, второй лысый, в штатском костюме. Смотрел он не так, как остальные. Не с презрением, а с холодным, оценивающим интересом. Как энтомолог, увидевший редкое насекомое.

— Уведите его, — бросил он кому-то из охраны, и в его голосе звучало не презрение, а странная задумчивость. — И чтоб больше здесь не появлялся. Пока.

Меня вытолкали в коридор, и тяжёлая дверь захлопнулась за спиной. Я остался один в тишине, нарушаемой только гулом вентиляции и далёким эхом шагов.

Я прислонился спиной к холодной стене, прикрыл глаза и глубоко вздохнул. Воздух всё ещё пах озоном и чем-то сладковатым, как жжённый сахар. Стены здесь были покрыты странным зеленоватым налётом — то ли плесенью, то ли

последствиями магического резонанса, — и от них тянуло сыростью, совсем как от камней в старом колодце.

Вдох. Выдох. Боль в руке постепенно утихала, сменяясь тупым онемением. И так, тест пройден.

Гипотеза подтверждена.

Печать — не блокиратор. Это интерфейс, работающий на нестандартной частоте. И я, кажется, начинаю понимать, как её настраивать.

Я уже хотел двинуться обратно в класс, когда заметил на полу у самой двери какой-то предмет.

Конверт.

Обычный коричневый конверт, надписанный от руки. Те самые каллиграфические завитушки, которые я уже видел однажды. На конверте значилось: «Воронцову А.М. Лично в руки». Обратный адрес — Москва, улица Серафимовича, дом 2. Знаменитый «Дом на набережной». Элитная недвижимость в моём времени и резиденция магической номенклатуры — в этом.

Я аккуратно вскрыл конверт. Внутри лежал лист плотной бумаги с водяными знаками.

«Уважаемый Алексей Михайлович!

Институт Благородных Родов (г. Москва) уведомляет Вас о включении Вашей кандидатуры в список абитуриентов для прохождения вступительных испытаний. В соответствии с решением Особой Комиссии, Ваше дело будет рассмотрено в особом порядке.

Вам надлежит прибыть в Москву не позднее 25 июня 1978 года. В случае неявки будут применены методы четвёртого уровня воздействия к Вам и Вашим родственникам.

С уважением,

Секретарь Приёмной Комиссии ИБР

Долгоруков А.В.»

Я перечитал письмо. Москва. Институт Благородных Родов. Они вызывают меня — «нуль», «пустышку», «ходячую аномалию» — и угрожают «методами четвёртого уровня» в случае неявки. Значит, я зачем-то нужен им. И, судя по тому, что письмо оказалось у меня в руках именно сейчас, об этом знает не только Долгоруков.

Я убрал конверт во внутренний карман и двинулся по коридору. Перед глазами всё ещё стояло лицо того лысого в штатском. Его взгляд, каким смотрят не на живого человека, а на ценный, но потенциально бракованный механизм.

Кто он, этот тип? Почему его заинтересовал провальный тест «опального»?

Ответ пришёл сам собой, когда я услышал за поворотом шаги. Не одиночные — строевые. Тяжёлые. Ритмичные. Звяканье амуниции и металла. Конвой.

Значит, всё серьёзнее, чем я думал. Письмо из Москвы — не приглашение. Это повестка. И если я не смогу доказать свою полезность, четвёртый уровень воздействия — не самая страшная угроза. Страшнее — остаться здесь и ждать, пока тебя окончательно «спишут».

Я глубоко вздохнул, поправил воротник рубашки и ускорил шаг.

В конце концов, любое тестирование требует продолжения.

Лог испытаний №3

Объект: Печать Позора v.0.2 (после контакта с Кристаллом Истины) **Режим:** Активный контакт со стационарным магическим объектом высокой мощности. **Результаты:**

- Подтверждён активный выброс: магия носителя трансформирована в электрический разряд.

- Кристалл Истины зафиксировал «отсутствие Дара» при наличии явного энергетического отклика — расхождение с протоколом тестирования. Артефакт временно дестабилизирован.

- Болевой порог превышен, но физические повреждения носителя минимальны.

- Зафиксирован интерес сторонних наблюдателей (предположительно, Трибунал Кланов). **Гипотеза:** Печать не является блокиратором. Это интерфейс, работающий на частоте, несовместимой со стандартной родовой магией. Функция — искажение и ретрансляция входящего импульса. Возможна перенастройка фильтра. **Риски:** При повторном контакте с мощными артефактами возможна неконтролируе-

мая дестабилизация Печати. Требуется внешний накопитель-стабилизатор. **Следующий шаг:** Собрать простейший контур-поглотитель для контролируемого тестирования на артефактах малой мощности.

Глава 4. СИЗО №16: стресс-тест в изоляции

в которой герой оказывается в камере, тестирует Печать на информационные триггеры и получает предложение, от которого невозможно отказаться

Шаги приближались. Тяжёлые, размеренные, с металлическим звяканьем — так звучат только сапоги конвоя. Я стоял в пустом коридоре, сжимая в кармане скомканный конверт из Москвы, и считал. Трое. Четверо? Нет, всё-таки трое. У первого — командирский голос, низкий, с хрипотцой. У второго — позвякивание ключей на поясе. У третьего — шмыгающий нос, как у человека с хроническим гайморитом.

Инженерный протокол в голове уже оценивал варианты. Бежать? Глупо. Я не знаю планировки здания, не знаю постов охраны, а главное — я не знаю, на что способны эти люди в плане магии. Моя Печать, может, и глушит низкоранговые заклинания, но от хорошего удара прикладом по голове она меня не спасёт. Драться? Ещё глупее. Я только что, на глазах у всей школы, продемонстрировал аномалию. Если я сейчас ещё и конвой покалечу, меня не просто спишут — меня аннигилируют.

Значит, единственный разумный вариант — подчиниться. Собрать информацию. Понять, кто за мной стоит и чего они

хотят. А потом уже действовать.

Из-за поворота вышли трое в форме внутренних войск. Лейтенант — высокий, плечистый, с квадратной челюстью и уставшим взглядом человека, который мечтает поскорее сдать смену. Сержант — пониже, коренастый, с рыжими усами и хитрыми глазами. Рядовой — совсем молодой, лет девятнадцати, с прыщавым лицом и испуганными глазами. Он смотрел на меня так, будто я сейчас превращусь в огнедышащего дракона и спалю половину Магадана.

— Воронцов Алексей Михайлович! — рявкнул лейтенант. — Руки за голову! Любое движение — и мы применяем методы третьего уровня!

— Третьего? — переспросил я, медленно поднимая руки и сцепляя их на затылке. — А мне в письме обещали четвёртый. Это что, понижение?

Лейтенант опешил. Сержант хрюкнул в кулак — то ли смешок, то ли кашель заядлого курильщика. Рядовой испуганно заморгал.

— Ты мне зубы не заговаривай! — Лейтенант шагнул вперёд, и тут же его рация на поясе разразилась таким потоком помех, что он вздрогнул и сорвал её с крепления. — Что за...

— Простите, — сказал я, не двигаясь. — Это, кажется, я. У меня Печать Позора. Техника рядом глючит. Вы бы отодвинулись на пару метров, а то рация скоро задымится.

Лейтенант уставился на меня, потом на рацию, которая уже действительно начала испускать сизый дымок, и сделал

шаг назад. Сержант откровенно ухмылялся. Рядовой, наоборот, попятился ещё дальше.

— Ладно, — процедил лейтенант. — Шагай к выходу. И без фокусов.

Я шагнул вперёд. Конвой сомкнулся вокруг меня, но с дистанцией — никто не хотел приближаться к «ходячей аномалии».

У крыльца стоял не тюремный «воронок», а потрёпанный «УАЗ-469» с брезентовым тентом. На заднем сиденье, прямо поверх продавленной обивки, лежал какой-то ящик с циферблатами и лампочками — магофон, как я позже узнал. Прибор для измерения магического фона.

— Это чтобы тебя мерить, — пояснил сержант, заметив мой взгляд. — Ты своим фоном тут всё зашкаливаешь. У нас инструкция.

Я кивнул. Инструкция — это хорошо. Инструкции можно читать, анализировать и обходить. Инженер внутри меня уже прикидывал, как получить доступ к этим инструкциям. «УАЗ» затарахтел и выехал за ворота. Я сидел, откинувшись на брезентовый борт, и смотрел на проплывающий мимо Магадан-Магический. Деревянные дома, резные наличники, транспаранты «МАГИЯ — ДЕЛО ПАРТИЙНОЕ!». В воздухе пахло гарью, соляжкой и чем-то сладковатым — кажется, магической пылью, которая тут, судя по налёту на стенах, заменяла уличную грязь.

СИЗО номер шестнадцать оказалось приземистым здани-

ем из серого кирпича, обнесённым бетонным забором с колючей проволокой. Никакого магического шика, только на воротах, поверх звезды, был приварен герб — раскрытая книга и перекрещённые жезлы. «ММУ» — Магаданское магическое управление. Меня провели через проходную, сняли отпечатки пальцев (обычной подушечкой с фиолетовой краской — никакой магии, сплошная бюрократия) и препроводили в камеру.

Камера была одноместная. Узкая, как пенал, но с окном под потолком — забранным решёткой, сквозь которую виднелся серый сентябрьский небосвод. На стене — облупившаяся краска. На полу — матрас, набитый чем-то, что пахло соломой, тленом и чьей-то прошлой безысходностью. В углу — параша. Я сел на матрас, прислонился спиной к холодной стене и прикрыл глаза. Дверь с лязгом захлопнулась. Лязг замка прозвучал как приговор. Или как начало нового теста.

Тишина. Только вода капает где-то в трубах да слышно, как ветер гудит в решётке. И Печать — мерно пульсирует под рубашкой. Я достал из кармана смятое письмо из ИБР. Развернул. Перечитал. Пальцы слегка покалывало, а Печать в этот момент потеплела — не обжигаяще, а скорее как грелка, которую только что достали из микроволновки. Интересно. Она реагирует не на магию — в камере магии нет, я бы почувствовал. Она реагирует на само письмо. На информацию.

Я медленно перечитал ключевые слова. «Институт Благо-

родных Родов» — тепло. «Москва» — пульсация. «Методы четвёртого уровня» — уже горячее. Печать словно отзывалась на каждую фразу, и я чувствовал, как она начинает гудеть в такт моему сердцебиению.

Гипотеза: Печать имеет информационную природу. Она не просто глушит магию — она распознаёт информацию, связанную с её происхождением. Протокол «Феникс», ИБР, методы — это всё триггеры. Значит, я могу не только глушить магию. Я могу её читать. Или, по крайней мере, настраивать на неё свой «интерфейс».

Я ещё раз перечитал строчку про «методы четвёртого уровня». Сердце пропустило удар. Воронцов-младший внутри меня, кажется, поседел. А я — я убрал письмо в карман и улыбнулся. Кажется, изоляция — это не наказание. Это возможность спокойно подумать без помех.

Дверь лязгнула. Я открыл глаза.

В камеру вошёл человек — не надзиратель, тот был толстый и с одышкой. Этот был сухой, поджарый, в штатском костюме с иголки, но сидевшем на нём так, будто он в нём родился. Лысый. Тот самый, что был в Церемониальном зале. Тот, чей взгляд я поймал на себе у алтаря. Он вошёл, остановился в двух шагах, оценивающе меня осмотрел, как энтомолог — редкое насекомое, которое наконец-то попало в сачок. В руках у него была папка с гербом Трибунала.

— Воронцов, — произнёс он голосом, в котором не было ни злобы, ни участия. Только констатация. — Разговор есть.

— Я весь внимание, — ответил я, не вставая. — Присаживайтесь. Матрас, правда, один, но могу подвинуться.

— Меня зовут Громов Виктор Павлович, — сообщил он, игнорируя приглашение. — Я — особый уполномоченный Трибунала Кланов по Магаданской области.

— Очень приятно. Я бы пожал вам руку, но боюсь, моя Печать испортит вам часы. — Я кивнул на его запястье, где блеснул «Полёт» — тяжёлый, как танк, и такой же надёжный.

Он машинально отдернул руку. Потом сообразил, что я шучу (или не шучу?), и нахмурился.

— Шутки у тебя, Воронцов, странные.

— Спасибо. Я работаю над ними.

— А зря. Твоё положение не располагает. — Он раскрыл папку. — Ты обвиняешься в проникновении в Церемониальный зал без спецпропуска, в нападении на учащихся Второго Клана и в нарушении работы магического оборудования. Совокупный срок — до пятнадцати лет.

— А можно покороче? — попросил я. — У меня через десять месяцев вступительные в Москве. Не хотелось бы опаздывать.

Громов замер. Папка в его руках дрогнула.

— Что ты сказал?

— Вступительные, — повторил я, доставая из кармана скомканный конверт и протягивая ему. — Институт Благородных Родов. Приглашение. С печатью. Буквально.

Он взял письмо двумя пальцами, брезгливо, как берут

грязную пробирку, и быстро пробежал глазами. На его лице не дрогнул ни мускул, но я заметил, как побелели костяшки пальцев, сжимающих папку.

— Откуда это у тебя?

— Нашёл. В коридоре. После того, как меня вытолкали из зала. Кто-то обронил. Или подбросил.

Громов молчал. Пауза затягивалась. Я слышал только капанье воды в трубах и мерное дыхание уполномоченного.

— Ты знаешь, что это значит? — спросил он наконец глухо.

— Что я кому-то в Москве нужен. Настолько нужен, что меня готовы вытащить даже из-под магической статьи.

— Не просто нужен, — медленно произнёс Громов. — Институт Благородных Родов вызывает только тех, в ком видят потенциал. Обычно — детей высших Кланов. С Даром пятого уровня и выше. Тебя же...

— А у меня Печать Позора, ноль по шкале Капицы-Стругацкого и направление на урановые рудники, — подхватил я. — Загадка.

Громов смотрел на меня уже без брезгливости. Теперь в его взгляде был расчёт. Так смотрят на уравнение, которое внезапно поменяло знак.

— Допустим, — сказал он. — Допустим, письмо подлинное. Но до июня следующего года ты должен выжить. А с твоим досье это сложно. Морозовы тебя не простят. Крутиков на тебя зуб точит. Да и Печать — она тебя убивает. Ты

знаешь об этом?

— Догадываюсь, — соврал я. — А вы, я смотрю, осведомлены.

— Осведомлён, — кивнул Громов. — И могу помочь. У меня есть доступ к архивам Трибунала. К документам, которые касаются твоей семьи, твоей Печати и... некоторых проектов.

— В обмен на что?

— Будешь выполнять мелкие поручения. Консультации. Ничего криминального. А я, в свою очередь, помогу тебе разобраться с Печатью.

Я помолчал, прикидывая. Сделка выглядела как типовой договор с дьяволом: ты получаешь доступ к секретным данным, но становишься марионеткой. С другой стороны, я уже марионетка. И Громов, судя по тому, как он посмотрел на меня, это прекрасно понимает.

— Почему я? — спросил я. — Почему вы вообще предлагаете это мне?

Громов чуть заметно усмехнулся.

— Потому что ты, Воронцов, — аномалия. И такие аномалии, если их правильно использовать, могут изменить правила игры. Или хотя бы дать тем, кто умеет ждать, козырь в рукаве.

— У вас, я смотрю, свои счёты с Морозовыми?

— У каждого свои счёты, — сухо ответил он. — Не лезь в политику, пока не научишься выживать.

Я кивнул. Договор заключён не был, но его проект уже лежал на столе переговоров.

— Завтра утром тебя отпустят, — сказал Громов, захлопывая папку. — Под мою ответственность. Жить будешь в общежитии при училище, посещать занятия. Два раза в неделю — приходишь ко мне для... консультаций. Вопросы?

— Только один. Что такое методы четвёртого уровня?

Громов замер у двери, не оборачиваясь.

— Это то, что тебе лучше никогда не узнавать на практике. — Пауза. — По крайней мере, до тех пор, пока ты не научишься контролировать свою Печать.

Дверь захлопнулась. Я снова остался один. В камере было тихо. Печать под рубашкой всё ещё пульсировала, но теперь я знал: она реагирует не просто на магию. Она реагирует на ключевые слова, на скрытые смыслы, на информацию. Это не глушилка. Это интерфейс. И где-то в этом интерфейсе спрятаны ответы на вопросы, которые я пока даже не научился формулировать.

Я закрыл глаза, откинулся на жёсткий матрас и впервые за этот бесконечный день позволил себе роскошь расслабиться. Завтра меня отпустят. Завтра начнётся настоящая работа. Завтра я получу доступ к архивам и сделаю первый шаг, чтобы понять, кто я такой в этом мире — ходячий сбой в системе или ключ к её перезагрузке.

А пока — спать. Инженер, который не высыпается, — это инженер, который ошибается. А ошибаться мне нельзя.

Лог испытаний №4

Объект: Печать Позора v.0.2 **Режим:** Стресс-тест в изоляции. Отсутствие внешней магии. Контакт с информационным носителем (письмо ИБР). **Результаты:**

- В условиях полной магической изоляции Печать сохраняет активность.

- Зафиксирована реакция на ключевые слова и символы: «Москва», «ИБР», «методы четвёртого уровня». Характер реакции — нагрев, изменение частоты пульсации.

- Гипотеза об информационной природе Печати подтверждена частично. Печать функционирует не только как глушилка магии, но и как детектор скрытых смыслов, связанных с её происхождением.

- Контакт с носителем, осведомлённым о природе Печати (Громов), вызвал устойчивое повышение температуры без болевых ощущений. Предположительно, взаимная идентификация. **Выводы:** Печать может быть интерфейсом доступа к закрытой информационной сети. Триггеры — слова, символы, возможно, артефакты Клана. **Следующий шаг:** Получить доступ к архивам Трибунала. Проверить реакцию на документы, связанные с Кланом Пространственников.

Глава 5. Склад №7: тестирование поглотителя на бракованных накопителях

в которой герой делает из хлама оружие, заключает сделку с врагом и узнаёт, что брак — это просто ресурс не на своём месте

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.